

РАЗДЕЛ 1

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ. АРХИВОВЕДЕНИЕ И АРХЕОГРАФИЯ. МУЗЕЙНОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Ланской Г. Н.

ОБЩЕЕ И ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

На протяжении периода XX и первых двух десятилетий XXI в., который можно рассматривать в качестве этапа развития историографии новейшего времени, применительно к сфере источниковедения одним из основных направлений развития можно считать параллельное развитие и временами соперничество позитивистского и постмодернистского подходов. Позитивистский подход в соответствии с идеями своих основателей Э. Бернгейма, Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобоса был основан на определении в качестве цели источниковедческого исследования новизны и достоверности сообщаемых в конкретных текстах сведений о прошедших или о продолжающихся событиях. При этом предусматривалось установление единых, признаваемых на общесоциальном уровне критериев того, что представляемая информация будет иметь позитивный, развивающий общество и его представителей характер. Постмодернистский подход сформировался в рамках теории экзистенциализма и тем самым был ориентирован на изучение той роли, которую играет создание исторических источников в рамках материального и, что особенно важно, духовного существования человека. Значение создаваемых текстов выявлялось исходя из данной методологической платформы в том, в какой мере они способны реализовать и раскрыть творческий потенциал личности, свойства которой формируются изначально и нуждаются в раскрытии с помощью различных инструментов, к числу которых относится творчество.

На наш взгляд, с точки зрения теории и методики источниковедческих исследований выбор и использование данных подходов, а также определение их приоритетности с экспертно-аналитических позиций находится в сфере соотношения объективной сферы профессиональной деятельности историка или иного близкого ему по специализации ученого по отношению к информационным ресурсам. Различие этих подходов заключается в том, что позитивистский подход может быть адресован к сфере документального источниковедения, в то время как постмодернистский подход, отклоняющийся от характерного для периода исследовательского модерна главного вопроса о новизне, вторичности или невозможности извлечения из конкретных текстов нового достоверного знания, может быть в силу своей масштабности адресован к области общего источниковедения.

Необходимость и обоснованность данного вектора восприятия доступных познающему субъекту информационных ресурсов были убедительно доказаны в работах сторонников феноменологической оценки различных, имеющих ретроспективную сущность творческих произведений. В частности, значительный вклад в решение данной методологической задачи внесла О. М. Медушевская. Обосновывая правомерность существования и развития когнитивной интеллектуальной истории, она писала: «В истории исторической науки новейшего времени достаточно хорошо известна позитивистская историческая концепция, которая, в свое время, в рамках сложившейся историографической концепции, была достаточно эффективной и результативной. Позитивистская историография эффективно разрабатывала свои структурные методики, например, методики изучения средневековых картуляриев, дипломатики, латинской палеографии. В изменившихся условиях, когда от исторической науки потребовалось обращение к глобальным моделям цивилизационного подхода, когда возникли новые проблемы, стала казаться упрощенной социальная история, выяснилось, что традиционные исследовательские методики неэффективны» [4, с. 10–11]. Выделение в качестве основного участника создания объектов исторической информации именно их автора, а не социального или индивидуального заказчика с вырабатываемыми им критериями достоверности получаемых знаний, не являлось при этом маргинальным, оторванным от апробированной научно-исследовательской практики.

В частности, оно вполне коррелировалось с методологически обоснованным восприятием развития историографического творчества как процесса, базирующегося на расширении привлекаемой информационной базы, совершенствовании методического инструментария и формировании новых обоснованных теорий, посвященных конкретным осмысливаемым объектам. Об этом свидетельствует, например, восприятие предметной области историографии, которое было представлено в исследованиях К. Н. Тарновского. В своей опубликованной уже после его ухода из жизни книге об историографии социально-экономической истории России начала XX в. он, в частности,

писал: «Под историографическим фактом мы понимаем авторскую концепцию, с большей или меньшей четкостью и полнотой изложенную в исследовании: в нем, таким образом, доминирует системообразующее и объясняющее знание, полученное в результате анализа исторических фактов» [5, с. 10]. Значимым с точки зрения определения феноменологической, ассоциируемой именно с постмодернистским периодом интеллектуальной истории, природы общего источниковедения является и тот факт, что само становление научной специальности в области историографии, источниковедения и методов исторического исследования опиралось на стремление изучать как можно более широкий комплекс текстов, в которых описывается, анализируется и интерпретируется историческое прошлое. Об этом, в частности, писала внесшая значительный вклад в данный легитимационный процесс М. В. Нечкина. В одной из своих лекций, посвященных теоретическим вопросам отражения и изучения исторических знаний, ею отмечалось: «Она уже существовала в литературе и до нашего появления и называлась историографией, считалась «вспомогательной дисциплиной» и довольствовалась и пониманием своей «второстепенности» и вспомогательной функции, и своим серьезным – из древнего учебного языка – «история+пишу» или чего-то в этом роде. Нам же, внедряющим этот вспомогательный инструмент в работу историка, хотелось «осветить» имя нового занятия. Почти всегда напрашивался веселый, с «двумя крылышками» термин «история истории», с ним хорошо было действовать, и мы назвали им одну из вышедших у нас работ» [1].

Вполне органичным определением общего источниковедения в качестве приоритетной по отношению к более частному по своей объектной сфере документальному источниковедению является и в контексте восприятия современными учеными явления документальной памяти. Рассматривая его в качестве продукта восприятия, осмысления и понимания сущности различных событий, исследователи данной проблематики видят задачу представителей экспертного научного сообщества в том, чтобы осуществить систематизацию созданных в различные периоды информационные ресурсы. Исходя из данной точки зрения, В. П. Козлов в одном из своих новейших исследований писал о том, что «основная задача источниковедческого исследования заключается в выявлении документальных источников и документальных свидетельств, в упорядочении хаоса документальных свидетельств о факте, событии, явлении, процессе прошлого через установление подлинности и достоверности документальных источников и их документальных свидетельств, их классификации и определении познавательного потенциала» [3, с. 94]. Таким образом, с точки зрения конструирования исторической памяти деятельность исследователя, выступающего в качестве оснащенного необходимыми методическими и практическими знаниями эксперта, направлена на то, чтобы в рамках общей совокупности источников выявить и представить пользователям те из них, которые содержат подлинные и достоверные сведения. Решение подобной задачи становится при этом частью его профессиональной активности потому, что он обладает более широким по сравнению с обычными пользователями объемом знаний о доступных объектах исторического знания и имеет вследствие своего исследовательского опыта более глубоким знанием о тех событиях, которые оказались зафиксированными в различных типах текстов. В этой связи, проводя разделительную линию между областями научного и обыденного исторического познания, И. Д. Ковальченко в своей монографии «Методы исторического исследования», в частности, писал: «Степень объективности информации определяется мерой соответствия поставленной цели объективному функционированию и развитию действительности. Это, в свою очередь, зависит от социально-партийной природы поставленной цели. При соответствии цели реальному состоянию и ходу развития общественных и других явлений получение объективной информации легитимизируется лишь существующими познавательными возможностями. Если же цель в силу партийно-классовой сущности или по другим причинам ограничивает подход к объекту и взгляд на него, то будет ограничен и объем объективной информации» [2, с. 125].

Приведенные точки зрения о сущности источников исторической информации, находящихся в сфере восприятия и познания для различных категорий профессионально подготовленных и обычных пользователей, свидетельствуют о том, что сторонники различных идеологических взглядов выделяли в рамках комплекса текстовых свидетельств о прошлом документальную и внедокументальную совокупности. Различие при этом заключалось в определении того, является ли целесообразным их обоюдное использование и в соответствии с какими критериями целесообразно осуществлять их систематизацию. Основанием для ответа на данные вопросы при этом служили в том числе факторы, не имеющие прямого отношения к научной деятельности и связанные с внешними политико-идеологическими условиями. В данном случае вполне очевидным становился тот факт, что степень ориентации исследователя на особенности окружающей его общественно-политической ситуации естественным образом определяла наличие у него способности к независимому, в определенной мере дискретному восприятию изучаемого и оцениваемого им текста.

Соотношение общего и документального источниковедения должно, с нашей точки зрения, определяться применительно к конкретному объекту познания, которым может являться практически любое документированное событие. В частности, применительно к истории формирования и развития системы государственного аппарата и административного управления документы, обладающие удостоверяющими их подлинность реквизитами, имеют приоритетное значение, потому что их функциональность определяется вполне конкретными, нормативно установленными признаками. Их наличие при этом может быть удостоверено на внешнем уровне в процессе анализа формуляра документов, а также на основе их происхождения, императивной направленности и соотнесенности с конкретными объективными явлениями, нуждающимися в регулировании. Тексты, представленные в рамках периодических изданий, мемуарных и дневниковых записей, будут рассматриваться при этом в отношении истории государственности в качестве имеющего субъективную сущность комментария к происходившим событиям, что собственно и будет определять их ценность и информационный потенциал.

Аналогичным образом соотношение общего и документального источниковедения будет проявляться и в отношении других типов информационных ресурсов. В частности, в условиях современного визуального поворота в восприятии ушедшей в прошлое и окружающей действительности архаичным выглядит характерное для позитивистской методологической концепции прикрепление содержания фото- и кинодокументов, а также в еще большей степени широкого круга изобразительных источников к уже имеющемуся историческому знанию для его дополнительной верификации. В условиях сформированности и высокой степени изученности хроникальных съемок, относящихся, например к событиям второй российской революции, особую ценность с точки зрения феноменологии и экзистенциального подхода приобретают те произведения, авторы которых не просто зафиксировали происходившие перед объективом события, но и проявили интенцию к их творческому осмыслению. Именно такое широкое восприятие ценности изобразительных и аудиовизуальных источников, которое на основании междисциплинарного исследовательского подхода было намечено в работах бывшего одновременно историком-архивистом и кинодраматургом Л. М. Рошаля, выглядит наиболее перспективным в рамках современной практики исторического познания.

Таким образом, изучение связи между общим и документальным источниковедением в контексте развития гуманитарного знания как о создателях, так и о потребителях исторической информации является актуальным не только в своем самостоятельном качестве, но и применительно к общетеоретическим вопросам развития исторической науки. Совершенно очевидным представляется тот факт, что стремящийся к познавательной деятельности человек движется от восприятия и создания всей совокупности источников к формированию их документальной части или напротив к созданию творческих произведений, целью которых стала бы не фиксация, а творческая интерпретация различных фактов и явлений. При этом с точки зрения имеющего очевидную ценность восприятия источниковедения в качестве особой отрасли гуманитарного знания совершенно не очевидным является выдвигание в качестве наиболее ценных свидетельств тех текстов, которые имеют формально удостоверенный статус объектов истинного знания о прошлом.

1. Архив Российской академии наук (РАН) – Ф. 1820. Оп. 1. Д. 164. Л. 7.
2. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2003 – С. 125.
3. Козлов, В. П. Некоторые вопросы документального источниковедения в научном наследии А. А. Зимины / В. П. Козлов // Документальный источник в историческом исследовании и в исследовании по истории науки: опыт использования, современные проблемы и задачи. К 100-летию со дня рождения А. А. Зимины: материалы международной научной конференции. Архив РАН-РГГУ // сост. И. Н. Ильина; редкол.: В. П. Козлов (отв. ред.) [и др.]. – М.: Архив РАН, 2020 – С. 94.
4. Медушевская, О. М. Теория и методология когнитивной истории / О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, 2008. – С. 10–11.
5. Тарновский, К. Н. Социально-экономическая история России: Начало XX в.: Советская историография середины 50-х – начала 60-х годов / К. Н. Тарновский. – М.: Наука, 1990. – С. 10.

Маджаров А. С.

«ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ» В МЕТОДОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ ИСТОРИИ РОССИИ Н. А. БЕРДЯЕВА

Введение. Исторические прогнозы Н. А. Бердяева

Николай Александрович Бердяев (1874–1948) – выдающийся мыслитель, теоретик и практик освободительного движения в России после революции 1917 г., в 1922 г. был выслан из страны и работал в Берлине, Париже.

В философии «русский Гегель XX в.» развивал экзистенциальное (от лат. *existentia* – существование) направление философии истории.